

Первый мир, Русалочка: принц ошибочно принял за свою спасительницу другую, осыпал ту милостями, а искренние чувства настоящей русалочки растоптал, словно ступеньку на пути к цели. Твоя задача — безжалостно оставить его, заставить осознать всё через боль, мучиться раскаянием и тщетно искать твои следы.

Третий мир: тот самый «негодяй» клянется в любви, но лишь ради мести, чтобы разорить твой род. Когда ты приносишь всё в жертву, он заявляет, что это была лишь игра, где проигрывает тот, кто принял всё всерьез. Твоя задача — завоевать его сердце, а когда он полюбит тебя — уйти. Это и будет лучшей мстью.

Четвертый мир: у негодяя есть своя «белая луна»... Да что там луна, ты станешь той «алой родинкой» на его сердце, одно прикосновение к которой будет причинять невыносимую боль. Каждую ночь он будет не в силах забыть тебя, а оглянувшись назад, поймет, что ты больше не стоишь на прежнем месте в ожидании его.

Когда мастер игр Се Гуаньцзюй наконец завоевал всех семерых негодяев и собрался вернуться в реальный мир, кто-нибудь может объяснить, почему все они примчались следом, умоляя дать им второй шанс?

Русалочка

В коридоре больницы, возле операционной, царил хаос.

Всего десять минут назад сюда доставили двух братьев, попавших в страшную автокатастрофу. Они оба потеряли много крови, а в банке крови не оказалось нужного количества редкой группы. Доставлять кровь из другой больницы, расположенной в десятках километров, было слишком долго — счет шел на минуты.

— Что же делать? Господин Хэ и госпожа Хэ уехали за границу, в ближайшее время они не вернутся! — дворецкий метался из угла в угол, словно муравей на раскаленной сковороде. Его ноги подкашивались, и он невольно перевел взгляд на молодого человека, сидевшего в стороне.

Тот застыл в неподвижной позе. Холодный больничный свет падал на его лицо, подчеркивая резкие черты и придавая ему властный, внушающий трепет вид. Даже молча, он казался главным среди всех присутствующих.

Дворецкий сопровождал молодых господ клана Хэ в поездке и теперь, когда оба брата оказались на грани смерти, чувствовал себя виноватым. Не зная, как поступить, он осторожно обратился к юноше:

— Господин Фэн, как нам быть?

Вышедший из операционной врач поторопил их:

— Кто здесь родственники? Нужно принимать решение. Кому переливать кровь в первую очередь?

Дворецкий поспешно спросил:

— А будет ли опасно для того, кто получит кровь вторым?

— Существует определенный риск, — ответил врач. — Если помощь не подоспеет вовремя, пациент может впасть в кому или остаться овощем. Мы уже запросили кровь из других источников, но вы должны решить, кому отдать остатки запасов прямо сейчас.

Выбор был очевиден: спасти кого-то одного.

Дворецкий закусил губу, колеблясь. Он видел, как рос Хэ Гуанъюнь, и, конечно, хотел спасти его. К тому же, Хэ Гуанъюнь был законным наследником Корпорации Хэ, в то время как Хэ Жофэн — лишь племянником, которого супруги Хэ приютили десять лет назад. Хотя они и растили его как родного, кровь есть кровь, поэтому...

Прежде чем дворецкий успел что-то сказать, позади раздался холодный голос.

Фэн Бэй, сцепив пальцы в замок и уперевшись лбом в руки, произнес с ледяным спокойствием:

— Сначала спасайте Хэ Жофэна.

Дворецкий остолбенел. Обернувшись, он прошептал:

— Господин Фэн, но как же так...

Разве можно так поступать? Дворецкий знал о любовной связи между Фэн Бэем и Хэ Жофэном, но не ожидал, что тот окажется настолько предвзятым! Господин Хэ Гуанъюнь ведь тоже был искренне влюблен в Фэн Бэя, но тот все эти годы не обращал на него никакого внимания. И даже сейчас, в критический момент, он пренебрег здравым смыслом ради Хэ Жофэна.

Лицо Фэн Бэя оставалось бесстрастным. Он даже не взглянул на дворецкого, но одного его властного, закаленного в деловых войнах взгляда хватило, чтобы тот замолчал.

— Вы уверены? — переспросил врач. — Если да, подписывайте согласие.

Фэн Бэй кивнул дворецкому, приказывая подписать бумаги. У того не было выбора: по сравнению с Группой компаний Фэн, клан Хэ казался лишь ничтожной букашкой, а у дворецкого и вовсе не было права голоса.

Даже если что-то пойдет не так, Фэн Бэй сможет за это ответить, а он — нет. Дворецкий

дрожащей рукой поставил подпись.

Врач помедлил, глядя на Фэн Бэя:

— Должен предупредить, травмы Хэ Гуанъюня гораздо серьезнее. В момент аварии он сидел со стороны удара, стекло повредило артерию. Его удалось реанимировать, но потеря крови критическая. Если не восполнить её немедленно, могут остаться тяжелые последствия...

Не дослушав, Фэн Бэй нетерпеливо нахмурился и холодно бросил:

— Это он задолжал Жофэну.

— Это он задолжал Жофэну.

Когда Се Гуаньцзюй очнулся в этом теле, первое, что он услышал, были эти ледяные слова.

Хирургический скальпель рассекал плоть, но он не чувствовал боли — не потому, что его сердце остыло, а потому, что система 502 заблокировала болевые ощущения. Тем не менее, слова Фэн Бэя пронзили его, словно ледяная игла. Конечно, страдал не он, а покойный хозяин тела — Хэ Гуанъюнь.

— Усиленный слух — это здорово, я слышу всё, что происходит за дверью, — лениво сказал Се Гуаньцзюй системе 502. — Вон, в палате в пятидесяти метрах отсюда двое мужчин целуются, скоро дойдет до главного.

За каждый пройденный мир он получал опыт, который можно было обменять на товары в системном магазине. В прошлом мире Се Гуаньцзюй играл роль жалкого «омеги», который безответно любил негодяя и в итоге был замучен до смерти. Накопив достаточно опыта, он купил усиление слуха и блокировку боли. Он больше не хотел испытывать ту ужасную пытку, когда тебя режут по живому.

Если бы у 502 были глаза, они бы алчно сверкнули. Система исчезла из сознания Се Гуаньцзюя, но вскоре вернулась, разъяренная:

— Лжец! Я проверила, там ничего нет!

— Это месть, — улыбнулся Се Гуаньцзюй. — Кто просил тебя в прошлый раз затащить меня в сценарий с таким унижительным персонажем? Ты каждый раз попадаешься на одну и ту же удочку, так что это твои проблемы.

502: «...» Неужели нынешние носители все такие злопамятные?

Как бы то ни было, Се Гуаньцзюй путешествовал по мирам, собирая опыт, чтобы вернуться в реальность и спасти того, кто ему дорог. Он стал настоящим профессионалом в своем деле.

Операция закончилась. 502 загрузил данные в мозг Се Гуаньцзюя.

«Дзинь! Мир загружен, память хозяина тела скачивается».

Теперь он — Хэ Гуанъюнь, старший сын Корпорации Хэ в городе А, человек с крайне вздорным и высокомерным характером. Но, судя по всему, это была лишь маска. В памяти Хэ Гуанъюня Се Гуаньцзюй не нашел ни капли настоящей злобы или подлости.

Когда Хэ Гуанъюню было десять, родители приютили Хэ Жофэна, сына дальних родственников. Один — законный наследник, другой — приемный ребенок, и их вражда была предрешена. Они постоянно ссорились из-за мелочей. Но общественное мнение всегда было на стороне «слабого»: стоило Хэ Жофэну опустить голову и прикусить губу, как все начинали жалеть его, считая, что Хэ Гуанъюнь — тиран. Даже родители, несмотря на любовь к родному сыну, ради приличий чаще критиковали именно Хэ Гуанъюня.

В итоге Хэ Гуанъюнь начал вести себя еще хуже, словно подтверждая их ожидания.

Если Хэ Жофэн был типичным «белым лотосом», то Хэ Гуанъюнь стал злобным второстепенным персонажем. Повзрослев, он осознал ошибку и просто перестал общаться с Жофэном, решив, что с глаз долой — из сердца вон.

Объектом его нынешней миссии был Фэн Бэй, наследник Группы компаний Фэн. Хэ Гуанъюнь с детства был влюблен в него до беспамятства: носил его сумки, покупал завтраки, писал за него контрольные, даже если его ловили на списывании. В самые глупые годы он мог среди ночи сорваться с места, чтобы привезти Фэн Бэю его любимые пельмени.

Он был готов лезть на стену, если Фэн Бэй того пожелает. Он практически отказался от собственной жизни, посвятив её Фэн Бэю. Но тот всегда оставался холодным и отстраненным.

Три года назад, во время цунами, Фэн Бэй едва не погиб. Хэ Гуанъюнь отдал ему свой спасательный жилет и из последних сил вытолкнул на обломке доски к берегу. Сам он провел в воде несколько дней, едва не погибнув от истощения. Но когда Фэн Бэй очнулся, рядом был Хэ Жофэн. Тот окружил его заботой, и Фэн Бэй решил, что именно Жофэн спас его.

С тех пор между ними завязались отношения. А когда Хэ Гуанъюнь, пролежав три месяца в больнице из-за повреждения дыхательных путей, вернулся домой, то обнаружил, что человек, которого он любил, встречается с его двоюродным братом.

Он пытался объяснить правду, но Фэн Бэй ему не верил, считая, что Гуанъюнь просто хочет присвоить себе чужой подвиг. Гордый Хэ Гуанъюнь перестал оправдываться.

И вот теперь, в автокатастрофе, Фэн Бэй без колебаний выбрал Хэ Жофэна.

Се Гуаньцзюй лежал на больничной койке, размышляя:

— Этот «негодяй» действительно тот ещё мерзавец. Каково моё начальное отношение с его стороны?

502 чуть не приснул:

— Минус двадцать.

Се Гуаньцзюй опешил:

— Как так? Они же вместе выросли!

— Он думает, что это ты устроил аварию, чтобы убить Хэ Жофэна, — пояснила система.

Се Гуаньцзюй: «...Да, он действительно безнадежен».

На самом деле, аварию подстроил Хэ Жофэн, чтобы проверить, кто из них важнее для Фэн Бэя. И он победил.

— Кстати, — спросил Се Гуаньцзюй, — а какое отношение у Фэн Бэя к Хэ Жофэну?

502 проверил данные:

— Всего тридцать. Едва дотягивает до уровня обычного знакомого.

Се Гуаньцзюй хмыкнул. Фэн Бэй и впрямь крепкий орешек.

В этот момент дверь палаты тихо отворилась. Фэн Бэй в сером деловом костюме, с безупречным, но холодным лицом, вошел внутрь.

Русалочка

Когда Фэн Бэй вошел, медсестра как раз закончила накладывать гипс на ногу Се Гуаньцзюя. Она вышла, тихо прикрыв дверь, но лежащий на кровати человек вздрогнул, словно испуганный зверек, и сжался в комок под одеялом.

Фэн Бэй пришел, чтобы обвинить его в аварии, но, подойдя ближе, понял, что травмы Се Гуаньцзюя гораздо серьезнее, чем у Хэ Жофэна.

Парень выглядел ужасно. На лбу, очищенном от крови, виднелись следы от осколков. Пластырь на виске тянулся до самой шеи, подчеркивая бледность кожи и хрупкость вен. Рука и нога были в гипсе и подвешены на растяжках.

502 прошептал в голове Се Гуаньцзюя: «Хозяин, он смотрит на тебя. Почему ты не просыпаешься? Кажется, он теряет терпение».

Се Гуаньцзюй был уверен: «Он не уйдет».

502: «?»

Се Гуаньцзюй: «Фэн Бэй холоден, но, видя меня в таком состоянии, он не может не почувствовать хотя бы каплю вины за свое решение в операционной. Если он уйдет сейчас, он будет слишком плохим даже для главного героя».

502: «Так значит, использование мази для кровоточащих ран было твоим планом?»

Се Гуаньцзюй: «Ты до сих пор не научился уму-разуму? Думал, ты догадаешься сам».

Се Гуаньцзюй слегка нахмурился, словно просыпаясь от кошмара. На его бледном, покрытом мелкими ссадинами лице выступил пот. Он долго смотрел в потолок, прежде чем медленно повернуть голову к Фэн Бэю. Это движение, казалось, причинило ему боль, и он стал еще бледнее.

502: «...Великолепная актерская игра».

Се Гуаньцзюй пристально посмотрел на Фэн Бэя, в его глазах блеснули слезы. Он закрыл глаза, словно не веря в реальность происходящего, и горько усмехнулся:

— Должно быть, это снова галлюцинации...

Его голос был едва слышным шепотом. Фэн Бэй смотрел на него со сложными чувствами. Он знал о чувствах Хэ Гуанъюня, но всегда презирал его за лесть и попытки выслужиться перед семьей Фэн. Он считал, что Гуанъюнь притворяется.

Фэн Бэй нахмурился и произнес холодным, жестким тоном:

— Это я. Мне нужно с тобой поговорить.

Се Гуаньцзюй распахнул глаза. В них на мгновение вспыхнула радость, но тут же погасла, сменившись холодом слов Фэн Бэя.

— ...Да, — ответил он, пытаясь приподняться, но сил не хватило.

Фэн Бэй внимательно наблюдал за его реакцией. Он привык, что Хэ Гуанъюнь всегда скрывал

свои чувства, или, может, он просто никогда не смотрел на него по-настоящему? Фэн Бэй доверял своей интуиции, но сейчас... он был в замешательстве.

<http://bllate.org/book/18587/1790305>